

ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА: КАШШАФ ПАТИИ

© Нурфия Юсупова

FORGOTTEN NAMES: KASHSHAF PATII

Nurfiya Yusupova

The article studies Kashshaf Patii's work, identifying the development features of his poetry in the context of literary and aesthetic thought of the early twentieth century. As research shows, the educational paradigm contributes to the formation of a poetic concept of the world, the concept of a lyrical hero and motifs in his works. Tracing the main trends in the development of Kashshaf Patii's poetry and the main periods of his work, we identify the features of the development of national literature of the early twentieth century as a whole and determine general and specific aspects in the patterns of the national literary art development. This determines the relevance of our work. It is for the first time that the work of Kashshaf Patii has become the object of a systematic study and literary analysis. It is the first study about the life and creative biography of the poet. As a result of the study, we conclude that Patii's first works put forward the idea of developing Tatar society on the basis of education, knowledge and culture; their dominant motif is Tatar society's call for social transformation. At the same time, romantic techniques predominate in the artistic and aesthetic aspects. This indicates that the poet's work belongs to educational romanticism. At the second stage of his work, the author reflects on the mission of the poet and poetry in the context of classical romanticism - on the highest values in the world, while serving the nation is interpreted as divine predestination. The alienated lyrical hero, experiencing loneliness, comes to the fore in his philosophical lyrical poetry.

Keywords: Tatar poetry of the early twentieth century, Kashshaf Patii, motif, lyrical hero, enlightenment romanticism, classical romanticism

В статье рассматривается творчество Кашшафа Патии, выявляются особенности развития его поэзии в контексте литературно-эстетической мысли начала XX века. Как показывают исследования, просветительская парадигма способствует формированию поэтической концепции мира, концепции лирического героя и мотивов в его произведениях. Прослеживание основных тенденций развития поэзии Кашшафа Патии, определение основных периодов его творчества позволяют выявить специфические особенности развития национальной литературы начала XX века в целом, определить общее и особенное в закономерностях развития национального словесного искусства. Этим определяется актуальность нашей работы. Научная новизна статьи определяется тем, что в ней творчество Кашшафа Патии впервые становится объектом системного изучения и литературоведческого анализа. Это первое исследование жизненной и творческой биографии поэта, в результате чего утверждается, что в первых произведениях Патии звучит мысль о необходимости развития татарского общества на основе просвещения, знаний и культуры, доминирует мотив призыва татарского общества к социальным преобразованиям. При этом в художественно-эстетическом аспекте преобладают романтические приемы. Это свидетельствует о принадлежности творчества поэта к просветительскому романтизму. На втором этапе творчества в контексте классического романтизма автор размышляет о смысле жизни, смысле бытия, миссии поэта и поэзии – о высших ценностях на свете, при этом служение поэзии, нации интерпретируется как божественное предопределение. В философской лирике на первый план выдвигается отчужденный лирический герой, находящийся в состоянии одиночества.

Ключевые слова: татарская поэзия начала XX в., Кашшаф Патии, мотив, лирический герой, просветительский романтизм, классический романтизм

Для цитирования: Юсупова Н. Забытые имена: Кашшаф Патии // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 2 (76). С. 254–259. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-254-259

В начале XX в. татарская литературно-эстетическая и общественно-философская мысль вступает в эпоху ускоренного развития, исторические события начала столетия создают условия для перемен и трансформаций в литературно-эстетическом процессе. Изменения в содержании и структуре татарской литературы той эпохи были настолько значительны, что вызвали много споров, дискуссий по поводу «целесообразности» подобных изменений [1, с. 109]. По мнению Г. Гачева, каждый народ «в определенный момент (обычно это бывает в эпоху складывания наций) пробуждается к новой исторической жизни, включается в единый мировой исторический процесс и за короткое время стремительно продвигается вперед, догоняя, а в чем-то и перегоняя другие народы и нации» [2, с. 4]. Подобное ускоренное развитие, а также преобразования в татарской литературе начала XX в., формирование иной, новой литературной модели, смена дискурса, возникновение новой художественной парадигмы начинается с поэзии – с самого оперативного и гибкого вида словесного искусства. Творчество целой плеяды поэтов, чувствительных к новым литературным веяниям, знающих мировую литературу, поставивших перед собой задачу реформирования литературно-эстетической мысли, дали импульс для формирования новых тенденций в словесном искусстве, зарождения новой поэзии [3, с. 207].

В начале XX в. на литературную арену вступает огромное количество авторов, общее число которых, согласно рукописи, составленной литератором-текстологом Р. Гайнановым, достигает восьми сотен, из них более трехсот были поэтами [4, с. 4]. Однако многие имена и их творчество до сих пор остаются в тени, среди них фигурирует и литературное наследие Кашшафа Патии.

Габделькашшаф Шарифович Патиев (Кашшаф Патии – литературный псевдоним) – поэт, педагог, мулла – родился в 1884 г. в деревне Зимница Хвалынской губернии (ныне Саратовская область) в семье потомственного муллы. В 1905 г. будущий поэт приехал в Казань, учился в медресе, работал в типографиях, участвовал в работе литературного кружка под руководством Амирхана в медресе «Мухаммадия», начал публиковать свои первые статьи на страницах периодической печати с псевдонимами Кашшаф Патин и К. Патин [5, с. 144]. Отдельные источники указывают на то, что Кашшаф в 1909 г. уехал в деревню и некоторое время служил муллой в родном селе [6, с. 197].

В эти годы Патии вошел в ближний круг друзей Габдуллы Тукая и до самой смерти поэта

дружил с ним. Кроме того, он стал вольным слушателем медицинского факультета Казанского императорского университета, поэтому друзья поэта называли Кашшафа «заместителем Тукая по здравоохранению». После 1915 г. Кашшаф вернулся в родную деревню, где открыл школу и занялся обучением детей, вел просветительскую деятельность. В начале 1920-х гг., следуя за движением ликвидации безграмотности, с группой татарских учителей направился в Узбекистан в город Хива, где до 1927 г. занимался преподавательской деятельностью. Однако в конце 1920-х гг. семья Патиевых была репрессирована и выслана в Архангельск, но Кашшафу удалось получить разрешение на отъезд в Узбекистан с целью заняться преподавательской деятельностью. После этого вплоть до смерти в 1971 г. он проживал с семьей сначала в Ташкенте, позднее в Андижане, где работал учителем, в одно время даже агрономом, занимался агитационной работой.

Кашшаф Патии пришел в литературу в 1907 г. В том году в журнале «Элгасрелджадид» («Новый век») появилось его первое стихотворение – «„Элгасрелжәдид“ журналына» («Журналу „Элгасрелджадид“») [7]. Этот стих, по сути, был посвящен дню рождения журнала, поэтому в нем К. Патии всячески хвалили журнал, тем самым вспоминая и восхваляя Тукая, который принимал активное участие в его издании:

«Ул тарафта аның кеби шагыйрь юктыр,
Һәр шигыре укучыны уйландыра...» [Там же]. –
«Там, наверно, нет такого поэта.

Каждое стихотворение задумывает читателя...» (здесь и далее подстрочный перевод наш. – Н. Ю.).

В стихотворении наблюдается стремление видеть в Тукае поэта-наставника, возглавляющего литературный процесс, он интерпретируется как мерило подлинной поэзии, поэтический образец для тех, кто претендует на высокое звание поэта.

Первая книга стихов Кашшафа Патии, составленная Хайруллой Йосфи и объединявшая 18 стихов, вышла в 1910 г. в типографии Каримовых под названием «Патии шигырьләре» («Стихи Патии») [8]. После публикации этого сборника творчество молодого поэта получило высокую оценку в татарской литературной критике. Так, газета «Идель» сообщила о поступлении в правление стихов Кашшафа Патии и интерпретировала их как «...прекрасные, впечатляющие и пронизанные национальным духом стихи» [9], отметив, что «Кашшаф Патии заслуживает занять второе место после Г. Тукая» [Там же]. В 1915 г. был издан второй сборник стихов «Эшгарь» («Стихи») [10], в который вошли около 30 стихо-

творений поэта. Кроме того, текстологи относят к Патии сборник «Девять цветов», опубликованный в 1906 и 1912 гг. при авторстве Абдулкашшафа Зимницы [11, с. 519], [6, с. 197]. На сегодняшний день 12 стихотворений Патии перенесены в кириллицу З. Рамиевым и опубликованы в его книге «Татарская поэзия: начало XX века» [6, с. 197–200]. Однако значительная часть творческого наследия поэта до сих пор остается не перенесенной в кириллицу и находится в отделах рукописей Национальной библиотеки РТ и ИЯЛИ АН РТ. Отсутствие монографических исследований поэтического наследия Кашшафа Патии в татарском литературоведении также усиливает актуальность нашей работы.

Многие стихотворения К. Патии, написанные на начальном этапе его творчества, ориентируются на просветительскую парадигму, в них доминируют мотивы призыва татарского читателя к знаниям, просвещению, утверждается, что это – ключевой путь к национальному, духовному возрождению, преобразованию татарского общества. В стихах ярко выражены идеи просветительства: призыв к распространению знаний и модернизации татарского общества («Ерак мәмләкәттәге дустыма» («Другу, живущему вдалеке»), «Дустыма» («Другу»), «Мөхәммәдиядән: Сөальләр» («Из Мухаммадии: Вопросы»), «Каләмгә» («Перу»), «Сукачыга» («Пахарю»), «Яңа тормышка» («Новой жизни»), призыв к духовному совершенству («Гыйбрәт» («Поучение»), «Җәҗиз милләткә» («Родной нации»), осознание необходимости социальных преобразований («Чапан»), призыв к преодолению религиозного фанатизма «Ватсан» («Разбиться»)).

Например, в стихотворении «Ерак мәмләкәттәге дустыма» («Другу, живущему вдалеке») поэт критикует консервативность татарского общества и религиозный фанатизм. Кадимизм, борьба против просвещения, невежественность считаются основными проблемами татарского общества того времени.

В структуре текста на первый план выходит оппозиция джадидизм/кадимизм в модификации школа / публичный дом. Такая своеобразная оппозиция становится формой выражения авторской идеи: лирический герой призывает к социальным преобразованиям, модернизации татарского общества, утверждает, что национальное возрождение невозможно достичь без просвещения, не развивая джадидических взглядов:

«Кемсә бездә оста алдый алса шул матур булыр,
Киң чапан, койрыклы чалмалар кигән матур
булыр...

Яна ысул мәктәп ачса бездә мордар булыр,

Бездә мәктәп урынына фәхешханә мәгъмур
булыр» [8, с. 3–4]. –

«Кто сможет у нас искусно обмануть, будет тот
красавцем.

Кто ходит в широких чапанах и в чалмах, будет
тот красавцем...

Если откроет джадидскую школу, будет грешным
мерзавцем.

У нас приветствуется открытие публичного
дома».

Отдельные стихи поэта поднимают проблему свободы татарской женщины, в них сатирический дискурс направлен против безнравственности и религиозного фанатизма. К примеру, в стихотворении «Чапан» чапан становится символом невежества, кадимистских взглядов, покрывающих жизнь татарских женщин. Патии выступает в защиту равноправия женщин:

«Хатын-кыз галәмен каплап алган бу яшел чапан!
Бетешкән яктылыкларны алар соң күрәчәк
кайчан?..

Хатын-кызның надан калуына сәбәп чапан, чапан,
Чапанга будыр актык сүз! Татарлыктан ерак
кайчан!» [Там же, с. 4]. –

«Этот зеленый чапан, покрыв мир татарских
женщин!

Когда же они увидят этот мир?..

Поводом к невежеству женщины стал чапан,
чапан.

Это последнее слово чапану! Пусть уходит от
татар далеко!»

В отдельных стихах К. Патии ставятся проблемы предназначения поэта-гражданина, его места и роли в татарском обществе. В них миссию развития, продвижения татарского общества поэт возлагает на литературу, тем самым утверждая божественную сущность поэзии. Так, в стихотворении «Поэту» говорится о том, что поэтическое слово, как проводник божественного совершенства, должно изменить мир, вывести читателя в свет:

«Я шагыйрь! Шигыйрь яз, тасвир ит син төрле
сүзләренне...

Караны ак яса, Уздырчы? Аклыктагы безләренне»
[Там же, с. 5]. –

«О, поэт! Пиши стихи, описывай разные слова...

Сделай черное белым, Перегони? Нас, живущих в
белом свете».

Во втором этапе его творчества доминируют приемы классического романтизма, мотивы смысла жизни, смысла бытия и высших ценностей выступают смыслообразующими мотивами. Философский дискурс представляет одинокого, отчужденного лирического героя, в таких произ-

ведениях душевные переживания лирического героя связаны с низменностью людей. В стихотворении «Гыйбрэт» («Поучение») подобный лирический герой восхваляет духовные ценности, не находит понимания в жизни среди равнодушных людей, призывает их пересмотреть жизненные ценности: «Подумай об этом, возьми себе урок». Исповедальность и внутренний драматизм, стенание связаны с ощущением духовного кризиса людей, крушением надежд. Зависть, безнравственность, равнодушие, жажда мести по этому оцениваются как невежество:

«Бер бәлагә очрасаң берәү дә килмәс яныңа,
Дуст дигәнәң дә риза булмас синәң зур шаныңа,
Кемсә бакмас әһле ялкынлы сулышлы хәлеңә,
Кул чабар, тамаша итәр ачы бер фәрьядыңа» [Там же, с. 2]. –

«Если встретишь беду, никто не придет к тебе.
Твои благие дела не обрадуют и друга.
Никто не поддержит когда болеешь,
Аплодирует, смотрит, как на зрелище, на твою горькую жизнь».

По мнению автора, высший смысл, идеал существования человека – жить горестями и заботами других, в посвящении себя другим. Стихотворение «Тормыш» («Жизнь») также формируется как монолог одинокого, отчужденного от жизни лирического героя. Он мучается, думает о том, что «не нашел настоящего счастья», «не обнаружил зверя у ворот», «не появилась в его жизни птица счастья»:

«Акты тормыш, чын сәгәдәт бәхте берлән акмады,
Шат, ачык йөз берлә бер тапкыр көлеп тә бакмады...

Бар диләр бәхет кошы, ләкин килеп ул кунмады;
Чын бәхетсез булдым инде, һич тә бәхтем булмады» [12]. –

«Прошла жизнь, но не была счастливой.
Ни разу не смотрела на меня с веселым, приветливым лицом...
Говорят, есть птица счастья, но она не садилась.
Я был несчастным, не было счастья».

Самая драматическая точка стенания в последних строках:

«Узды яшь вакытым эрәмгә, узды, һич туктамады;
Үз-үземә кызганыч булсам да, ул кызганмады» [Там же]. –

«Моя жизнь прошла, не остановилась.
Мне жалко себя, но жизнь не пожалела меня».

Лирический герой, не сумевший осуществить мечты, осознает, что его молодость ушла, но не оправдала надежд, она прошла бесполезно, его стенание, таким образом, возникает как резуль-

тат осознания недостижимости счастья и мечты. Это стихотворение – яркий пример, свидетельствующий о стремлении К. Патии к символическому мышлению.

Стихотворение «Дөньядан» («Из этого мира») [10, с. 27] написано в форме риторического обращения. Лирический герой обращается к татарскому читателю («ты») и призывает обрести не пропадающее, несправедное богатство. В данном ключе высоко поднимается служение народу, этот путь подтверждается самым правдивым путем, вечно не гаснущим и не теряющимся богатством, идеалом каждого человека. В стихах «Музыка» [13], «Курайчы башкорт бабайга» («Башкирскому дедушке-кураисту») [10, с. 23] и «Илләрдә» («В мире») [8, с. 21] лирический герой обращается к музыке, призывает ее развлечь, пробудить татарское общество. В них музыка поднимается на высоту божественной силы, которая совершенствует человека, спасает его от духовной темноты. В стихотворении «Билгеле» («Известный») [14] то же состояние передается через обращение к возлюбленной. В нем любовь интерпретируется как источник поэтического и душевного вдохновения.

В романтических произведениях утверждает-ся святая миссия поэта: быть борцом за свободу, защитником народа, человеком с сильным духом, способным увлечь за собой нацию. В стихотворении «Тукайга» («Тукаю») романтическая символика становится своеобразным художественным приемом создания образа Тукая:

«Тукай, син бриллиант халкың күзендә,
Һаман ялт-йолт итәр «Ялт-йолт» йөзендә.
Бәләнд рухын, бәләнд аң диңгезендә,
Тирән эз калды ул узган эзендә...
Тыныч тор, акланып тор ак бүзендә,
Чәчәк атты гөлең дә һәм гүрең дә» [15, с. 4]. –
«Тукай, ты бриллиант в наших глазах.
По-прежнему блестит „Ялт-юлт“.
Дух счастья, в маленьком море сознания.
Глубокий след оставил...
Будь спокойным, оставайся в белом саване.
Процветал твой сад и твоя могила».

Символ жемчуга, бриллиантовых драгоценных камней входит в литературный оборот в средневековой поэзии, широко используется и в поэзии самого Тукая. Символический образ – жемчуг – означает слезы, горе, страдание. У Маари «жемчужина» противопоставлена «капле слезы». «Капля слезы» и является подлинной драгоценностью, жемчужиной. Тукай творчески воспринимает и развивает эту традицию арабской поэзии [1, с. 115]. Символы жемчуга и бриллианта в структуре стиха Патии использу-

ются в двух значениях: во-первых, подчеркивают подлинную драгоценность поэзии Тукая, во-вторых, ассоциируются с образом слез в связи с безвременной кончиной поэта. Подобная многозначность образа заключает возможность выявления новых смысловых нюансов, тончайших изгибов мысли [16, с. 62]. Кроме того, обращаясь к символике белого цвета и образу цветка, поэт символизирует духовную чистоту поэта, величие его поэзии, процветающей в словесном искусстве. Тот же мотив прослеживается и в стихотворении «Шагыйрь кабере» («Могила поэта»), в котором Тукай воспринимается как идеал, посвятивший себя служению нации, творчеству, поэзии:

«Син шагыйрь кабере! Синең баш очында милләт көрсенә,

Үз рухы, үз тойгысы ташкан кабергә күз тегә.

Тор рәхәт кабреңдә, шагыйрь, кер дә кунмас исменә.

Мәңгелек ядкяр итеп билге кадарбыз өстенә.

Шөбһәсез, хадимәтләрлек исмен күңелне үстерә,

Тәкъдирә куйдык, чәчәк бәйләмнәрен киң кабреңә» [10, с. 15]. –

«Ты, могила поэта! В одном конце могилы народ вздыхает.

Смотрит на могилу, в которой лежит его дух, его чувства.

Спи, поэт, в своей могиле, не загрязняя свое имя.

Будем наносить на тебя знак вечным памятником.

Без сомнения, твой великий дух развивает тысячу душ.

Поставили как памятник в твою могилу букеты цветов».

Отдельные стихи К. Патии пронизаны мотивом любви к Богу и воспринимаются не только как обращение к Абсолюту, но и как «разговор» с читателем о судьбе человека:

«Кайда башланса Ходайга буйсыну,

Анда чын бәхетле тормыш башлана.

Әмма динсезлеккә булса кузгалу,

Шунда чын тормыш бетә, эш ташлана»

[Там же, с. 3]. –

«Где начнется повиновение Богу,

Там начинается настоящая счастливая жизнь.

А там, где властвует неверие,

Там и кончается настоящая жизнь».

Лирический герой призывает опираться на Бога, подчиняться ему, молиться, утверждая, что это самый праведный путь, источник человеческого счастья. При этом духовное состояние человека противопоставляется материальным ценностям: «*А там, где властвует неверие, / Там и кончается настоящая жизнь*» [Там же, с. 3]. Кашшаф Патии утверждает: покорность Богу да-

ет человеку счастье, а отчуждение от Бога отталкивает его от жизненного блага.

Таким образом, в первом этапе творчества К. Патии доминирует мотив призыва татарского общества к знаниям, просвещению, джадидизму, и эта задача прежде всего возлагается на поэта и поэзию, эта миссия воспринимается как божественное предназначение. При этом в поэтических произведениях К. Патии, опубликованных в первом сборнике его стихов, доминируют романтические приемы, с помощью которых автор демонстрирует свои просветительские идеалы, на первый план выдвигается просветительская романтика. Это, на наш взгляд, свидетельствует о принадлежности творчества поэта к просветительскому романтизму.

Во втором этапе его творчества поэта романтические умонастроения и художественные принципы существенно углубляются, доминируют приемы классического романтизма. В романтических произведениях автор размышляет о смысле жизни и смысле бытия, миссии поэта и поэзии – о высших ценностях на свете, при этом служение поэзии и нации в целом интерпретируется как божественное предопределение. В философской лирике на первый план выдвигается стелание отчужденного лирического героя, находящегося в состоянии одиночества в несовершенном бытии. Так Кашшаф Патии прокладывает свой путь в татарской поэзии.

Список источников

1. *Нигматуллина Ю. Г.* Типы культур и цивилизаций в историческом развитии татарской и русской литератур. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 1997. 192 с.
2. *Гачев Г. Д.* Неминуемое: Ускоренное развитие литературы. М.: Художественная литература, 1989. 431 с.
3. Татар әдәбияты тарихы: 8 томда. Т. 4: XX йөз башы. Казан: Татар. кит. нәшр., 2016. 533 б.
4. *Рәмиев З. З.* Кереш // Татар шигърияте: XX йөз башы. Казан: Мәгариф, 2004. Б. 3–8.
5. Рухи мирас: эзләнүләр һәм табышлар. Татар әдәбиятында тәхәллүсләр / төз.: Л. Ш. Гарипова, Г. Н. Зәйниева. Казан: ТӘҺСИ, 2021. 10 нчы чыг. 300 б.
6. Татар шигърияте: XX йөз башы / төз. З. З. Рәмиев. Казан: Мәгариф, 2004. 447 б.
7. *Патии К.* Әлгасрелжәдид журналына // Әлгасрелжәдид. 1907. 25 гыйнвар.
8. *Патии К.* Кәшшаф Патии шигърьләре. Казан: Электро-типография «Урнэк», 1910. 16 б.
9. *Яңа эсәр* // Идел. 1910. № 241.
10. *Патии К.* Әшгарь. Казан: Кәримовлар матбагасы, 1915. 31 б.
11. Татар поэзиясе антологиясе: 2 томда. Т. 1. Казан: Татар. кит. нәшр., 1992. 544 б.

12. *Патии К.* Тормыш // Идел. 1910. № 252.
13. *Патии К.* Музыка // Идел. 1910. № 238.
14. *Патии К.* Билгеле // Шура. 1914. № 14.
15. *Патии К.* Тукайга // Сабыйлар догасы. Казан, 1915. Б. 4.
16. *Гафиятуллина Н. М.* Образ Тукая в татарской поэзии XX века: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2002. 174 с.

Библиографический список

1. *Әскәров М.* Патиевлар // Ватаным Татарстан. 2000. 11 август.

References

1. Nigmatullina, Yu. G. (1997). *Tipy kul'tur i tsivilizatsii v istoricheskom razvitii tatarskoi i russkoi literatur* [Types of Cultures and Civilizations in the Historical Development of Tatar and Russian Literatures]. 192 p. Kazan', izd-vo "Fen" AN RT. (In Russian)
2. Gachev, G. D. (1989). *Neminuemoe: Uskorennoe razvitie literatury* [The Inevitable: The Accelerated Development of Literature]. 431 p. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. (In Russian)
3. *Tatar әдәбияты тарихы: 8 томда* (2016) [History of Tatar Literature: In 8 Volumes]. Т. 4: XX-іөз bashy. 533 p. Kazan, Tatar. kit. nәshr. (In Tatar)
4. Rәmiiev, Z. Z. (2004). *Keresh* [Introduction]. Tatar shig"riyate: XX-іөз bashy. Pp. 3–8. Kazan, Mәgarif. (In Tatar)
5. *Rukhi miras: ezlәnylәр һәм tabyshlar* (2021) [Spiritual Heritage: Searches and Findings]. Tatar әдәбиятында тәкһәллысләр. Төз.: L. Sh. Garipova, G. N. Zәiniyeva. 300 p. Kazan, TӘhSI. 10 nchy chyg. (In Tatar)

6. *Tatar shig"riyate: XX іөз bashy* (2004) [Tatar Poetry: Early 20th Century]. Төз. Z. Z. Rәmiiev. 447 p. Kazan, Mәgarif. (In Tatar)
7. Patii, K. (1907). *Әlgasrelәçәdid zhurnalyna* [Algasreljadid Magazine]. Әlgasrelәçәdid. 25 gынvar. (In Tatar)
8. Patii, K. (1910). *Kәshshaf Patii shigyrlәre* [Poems by Kashshaf Patii]. 16 p. Kazan, Elektro-tipografiya "Urnek". (In Tatar)
9. *Үәңә әсәр* (1910) [New Work]. Idel. No. 241. (In Tatar)
10. Patii, K. (1915). *Әshgar'* [Ashgar]. 31 p. Kazan, Kәrimovlar matbagasy. (In Tatar)
11. *Tatar poeziyase antologiyase: 2 tomda* (1992) [Tatar Poetry Anthology: In Two Volumes]. Т. 1. 544 p. Kazan, Tatar. kit. nәshr. (In Tatar)
12. Patii, K. (1910). *Tormysh* [Life]. Idel. No. 252. (In Tatar)
13. Patii, K. (1910). *Muzyka* [Music]. Idel. No. 238. (In Russian)
14. Patii, K. (1914). *Bilgele* [Obviously]. Shura. No. 14. (In Tatar)
15. Patii, K. (1915). *Tukaiga* [To Tukay]. Sabyilar dogasy. Kazan. P. 4. (In Tatar)
16. Gafiyatullina, N. M. (2002). *Obraz Tukaya v tatarskoi poezii XX veka: dis. ... kand. filol. nauk* [The Image of Tukay in Tatar Poetry of the Twentieth Century: Ph.D. Thesis]. 174 p. Kazan'. (In Russian)

Bibliography

1. Әскәров, М. (2000). *Patievlar* [The Patievs]. Vatanym Tatarstan. 11 avgust. (In Tatar)

The article was submitted on 07.04.2024
Поступила в редакцию 07.04.2024

Юсупова Нурфия Марсовна,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
faikovich@mail.ru

Yusupova Nurfiya Marsovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
faikovich@mail.ru